

В свете настольной лампы

(дела любви)

"с трудом переношу свет настольной лампы,
он слишком желтый и с детства "не к счастью".
Г. П.

"с чего начинается..." классика?

Любовь. Это когда мне десять лет. А сестре пятнадцать. Я готова чистить вместо нее рыбу. Черно-коричневые толстые бычки с наростами на голове. Шершавые. Воняют. В них есть кровь! Вырезаю пузики. Бегу в ванную. Блюю. И опять... кишки липнут, черт, черт! Слава Богу, не сестра это делает. Вернется с работы мама — а все уже сделано. Она... на меня не подумает. До вечера руки воняют рыбой.

Потом стирка. Трусики сестры, испачканные кровью. Недоумение — почему? Почти догадалась про взрослое. Страшно, хочу отстирать навсегда. Не получается. Выбрасываю в мусор. Бормочу: "кровь — любовь, кровь — любовь". Первая в жизни рифма. Плохая. Классическая.

ЧИСТОЕ МЕСТО

С моей бабушкой Лелей я познакомилась, не знаю когда. Когда у нее еще не было холодильника. Просыпаюсь как-то утром, жарко. Хрюканье кастрюльки. Иду на кухню. Бабушка говорит: "Сейчас блинчики будут. Пойди в чистое место, принеси масло. Оно в литровой банке. Сонная, ищу чистое место. По пути захожу пописать. В унитазе стоит банка. С маслом к блинчикам. Бегу, кричу: "Ты же медсестра, нельзя, нельзя!". А она спокойно: "Это у тебя в голове нельзя. А в жизни можно. Там вода подтекает, место чистое, прохладное. Твое чувство брезгливости ошибается. Ты ему объясни, что банка стеклянная, защищает масло, блинчикам будет свежо, а не прогоркло. А тебе вкусно. Сама подумай".

С этого всего и началось во мне развитие парадоксального мышления. И теперь я разговариваю со своей брезгливостью, гневом, правдой жизни,

а не борюсь. Но от этого я разогреваюсь, как атомный реактор. Задача — уследить за уровнем тепла, выдаваемого окружающим. Чтобы не ожечь, если зашкалит. Рыба, трусики и масло в унитазе меня зашкалили.

по секрету от мамы

Правда жизни вызывает во мне отвращение. Лучше бы моей мамой была бабушка. После общения с бабушкой я делала генеральную уборку, училась на хорошо и отлично, жесткой мокрой рукавицей обтиралась и матных слов не говорила. После общения с мамой я убежала из дому. Особенно замуж. Но замужняя жизнь, как и жизнь с мамой, сплошные ошибки и неконструктивна. Лучше бы я вышла замуж за бабушку. Рядом с бабушкой — всего хотелось.

О СМЫСЛЕ ТВОРЧЕСТВА

У меня двойная бухгалтерия, двойная жизнь. Потому что вокруг много свинства. Мне хочется из него вырезать кусочек ветчины. В переводе на обычный язык это звучит так: "фигней не страдай, давай о хорошем".

Я человек верующий. Я верю в Бога и знаю, что Бог тоже верующий. Он верит в меня.

Я к Нему стремлюсь, а Он находится всегда там, где надо. Главное, не обижаться, если что-то не совпало. Но у меня плохо получается. И когда обижают, мне хочется дать в морду. И я даю. Испытывая сладкое чувство: вот, защитила, себя, дуру. Нет, чтобы спокойной быть, медленно разогреваясь, как атомный реактор. Знаю ведь, как надо теплотой отвечать на прикосновение жизни. Теплотой, жаром. Не западая на эти самые прикосновения. Увы. Западаю. А бабушки рядом нет...

Мама, мужа и дети и есть самое главное прикосновение жизни, от которого спасает только жар.

Из жара я пишу, слова помогают регулировать теплоотдачу. Регулирую градусы. Тексты превращаю в печатные. Тоже мне вопрос — в чем смысл творчества? Кровь — любовь. И ничего больше.

О правдомотстве

Говорили: "Скажи правду, и я тебя прощу". Гадость какая. Ежу понятно, чего она стоит, правда. Да подите вы все, правдомоты, искатели. Читайте меня. Нравится? Потому что свое узнаете. Вот она, правда: "О, как срамна любовь земная. И ты такой, и я такая". Дальше про то, что "Нас в мир послала обезьяна, а Бог ничем не обязал". Такие вот плохие стихи хорошего поэта Чичибабина. Я хотела ему это сказать, но он так громкал голосом, что не решилась.

В детстве я подолгу смотрела в зеркало — искала маму, папу и обезьяну. Про мысли Дарвина узнала. Никого не находила в отражении, кроме себя. И решила, пусть они как хотят, а я сама по себе. Вон у меня глаза светятся всегда узнаваемо: радостью и любопытством. При чем тут мама и папа, они вообще привычно шутили, что меня подменили в роддоме.

Мне эта их шуточка дорого стоила. Я начала сомневаться. И это были мои первые в жизни сомнения. Кто из нас чей? Мучительное состояние. Я захотела правды. И добивалась. У моих родителей по ночам кровать не скрипела. Они больше не делали детей. Может быть, я вообще подкидыш! Больше правды не ищу. Однозначности нет. Есть Бог. Какая разница, кто меня родил, мама с папой, обезьяна? Когда Бог есть. Если Он есть. А если нет?

Мне не наплевать, но сомнения мучают — с легкой руки мамы и папы. Во всем. И это непоправимо.

альтернатива

Влюбленные меня всегда интересовали. Я приставала с вопросами к тем, кто жил в любви. То есть в семье. Я знала, продолжение любви — свадьба, дети, один обязательно Иван-дурак, всех спасающий. Если же нет в семье дурака, то есть старуха с разбитым корытом, дед альтруист с честностью, которая хуже сами чего знаете, и правдой жизни, все за нее друг с другом борются. А, обретя — ненавидят, или прощают великодушно, прежде семь шкур спустив. Или убивают.

Правда — твой кусочек ветчины из всеобщего свинства. И стоит задуматься, а не простить ли всех прочих за их ветчину? Или — убить за свинства?

Когда я в себе обнаружила желание знать правду другого человека, я стала несчастной и агрессивной.

Все ходят в гости по утрам и поступают мудро. Сжирают эту самую "ветчину". И мою придут и сожрут. Будет такой пир во время моей чумы. Так отчего же я пишу эти песни? Мне опять захотелось правды, и я метну ее свиньям?

Читающий, если ты раздражился за свинью, то ты мне и не нужен. Брось, не читай. Не жри мой кусочек, он тебе — без пользы.

Ну а если ты интересу для — то, мил друг, прости.

О НЕОДНОЗНАЧНОСТИ

Он сумасшедший или гад? Он, мой маленький, грибочками пахнувший. Ночью пошла посмотреть, как спит, одеяло поправить — он брыкается во сне. Забыла, что последние ночи спит, не раздеваясь, завернувшись в ковер. А сегодня... вообще его там не лежит. Брожу по спящей квартире. Нигде его нет. Иду на улицу. Осень. Двор пуст, в центре высокий орех. Под деревом старая ванна. В ванне лежит сын. Пьет шампанское. Разговаривает по мобильнику. Сухой ореховый лист планирует и падает. Сын говорит:

— Уйди, женщина!

Я, сквозь красоту абсурда, ору:

— Я не женщина тебе, я — мама!

— Плюнь мне в глаза, — спокойно отвечает, — если ты мужчина.

Гад, однозначно решаю. Гад. Но помню, что, к ужасу моему, нет ничего однозначного. Сумасшедший гад!

И куда мне деться от страшной любви к нему? От жалости и тоски. Вот звонок у нас дверной не снаружи, как у всех, а внутри квартиры. Сын смеется:

— Так ведь лучше звонить, уходя, а не возвращаясь! Впрочем, и вернувшись можно, если очень хочется, только смешно — ждать, чтобы впустили в собственный дом. Прочие пусть стучат. Чтобы им отворили...

Пьет.

— Я, — говорит, — стянул у тебя деньги. Думал, не заметишь, как раньше. Молодец! Надо же было тебя как-то научить обращению с деньгами. Пропил я их. И ладан купил, чтобы нечисть из дома выкурить.

— Кто, — спрашиваю, — нечисть?

— Тс-сс! И пальцем повел — еще осталась! Внимания не привлекай. — а в руке стакан с "отверткой". Какие гайки он в себе отвинчивает? Ох, плохо все кончится. Однозначно. Только горе в моей жизни однозначно.

устройство мира

Взрослой я стала в тот момент, когда муж взял настольную лампу и посмотрел, как я устроена. А я уже родила ему сына, и он сопел здесь же, в коляске у окошка.

Вдруг поняла, что я жена и мать. А муж — юный натуралист. И у нас не совпадают интересы. Мне не хотелось посмотреть, как мужчины внутри устроены. Внешние проявления казались важнее.

Когда наш сын получил в подарок первую машину, то, повертев ее, сказал:

— Машина? Новая? Буду ломать.

Теперь у нас появился внук, и, даря ему машину, я постаралась, чтобы она была очень большая. Чтобы легче было посмотреть, как устроена. Может быть, не придется ломать? Надеюсь, что наш сын и наш внук обойдутся без настольной лампы, не станут выяснять, как устроена жизнь в глубине, где таят глубину. Впрочем, как им угодно. Но мне тогда это очень не понравилось. На мне учились женщине. А хотелось любви. После меня у мужа были другие женщины. Вероятно, они внутри устроены несколько иначе. Поэтому я их рядом с ним не вижу, воистину — лучшее враг хорошего! Он в вечном поиске!

В глянцево-м журнале для деловых мужчин написали, что "Первая жена была слишком сложной для него женщиной. Брак был недолгим". А отношения, которые браком назвать нельзя, длятся всю жизнь.

Свет настольной лампы мягко освещает рукопись. Но светлее она не становится.

"я скажу, что это любовь была. Посмотрите на ее дела..."
Б. О.

Куда мы лезем? Это дыра? Мы окажемся где? Не ползи на меня, не наползай! Когда долезем — что станем делать? Лю-би-мый!

Сквозь тоннель золотого берега мы пробираемся к выходу. Море вопит внизу о радости бытия.

А я... тогда висела над твоим письменным столом, мордой в стенку. Был не мой день. Был день Че Гевары. Мы с ним затылком к затылку заключены были в общую рамку. Я переверну его мордой в стенку, когда мы вернемся с нашего праздника любви. Он случился потому, что я соблазнила тебя, отвлекла от революции. Увезла на побережье. И ты

наполз на меня, как улитка, как черепаха, как слон на кита. Кто кого соборет? Кто — кого?!

Милый! Я одарила тебя адом, в который ты ввел меня, поглаживая по совсем беременному животу, целуя запрокинутое лицо мое, глаза. А глаза косили на письменный стол, где американский солдат приставил пистолет к животу беременной вьетнамки. Я увидела в момент поцелуя твою картинку под стеклом и упала в обморок. А ты думал — от счастья?

Ты был известный враль и воришка. Врал на всякий случай и не всегда в свое удовольствие. На мой день рождения — ободрал клумбы возле обкома партии, и некуда было ногу поставить в комнате, по которой в банках, вазах, тазаках и кастрюлях цвели розы. Я была счастлива!

Ты подарил мне книжку Цветаевой, ни у кого такой не было. Мне завидовали. Потом приехала твоя новая жена, провела пальчиком по корешку:

— Привет, тезка! Так вот ты где! А я искала тебя на своей полке.

Сходное чувство испытала я в доме, где мой маленький Будда стоял в чужом шкафу, и чужая женщина, что одарила тебя раем, проследив за взглядом, протянула Будду мне:

— Неужели твой? Он мне его на счастье подарил! А ему ты подарила?

— На счастье... — сказала растерявшись.

— Получилось! — ответила она радостно.

Это было в доме, где тебя арестовали.

из ненормальной жизни

Бутылка всегда наполовину пуста, ведь не бывает наполовину полной бутылки, как не бывает наполовину еврея, или наполовину подлеца в нормальной жизни. А поскольку жизнь не нормальна, многое допустимо. В том числе и полуукраинцы, и полунебезьяны, они — полупрекрасные люди, полуженщины, и полумужчины, и вообще "дробные величины".

Люди живут, не задумываясь о тонкостях, и можно сказать — все в порядке! Если бы не норма. А когда-нибудь и норма "станет полной, наконец", для тех, кто живет с надеждой, — с надеждой ведь тоже не все в порядке!

Надеются или храбрые, или глупые. Знающие не верят, не надеются, может быть, и не любят. Они печалуются. И ежятся, словно замерзли.

Знающие мужественны, только — грешные. Широкие в жизни. Это трудно для близких, они, страдая, сузить хотят.

А я люблю свободу. Придумала, что во мне разные субличности. Но, знакомые друг с другом, они не понимают, как перепрыг из одной в другую происходит. Поэтому (обязательно можно)! — жить разные жизни.

Я знаю теперь, что в жизни всегда есть место для жизней. Мы ведь не одну проживаем, пока живем. И они не линейно расположены, могут и в разных плоскостях.

Человек быстрых реакций, я слежу за переключением скоростей. И, соблюдая технику безопасности, избегаю столкновения миров.

Выжидаю годами, подстерегая удачу. Я из нападающих, и не люблю защищаться. Нападая, можно проявить великодушие, не напасть. Защищаясь — никогда!

К старости я разлюблю драку.

А глаза у меня поздно прорезались. Думала, что все любят. Оказалось, нет. И — не научить любви! После двадцати с любовью было решительно покончено. Какая любовь, какие французские романы, "Красное и черное", "Милый друг", мансы-обжимансы с мальчиками, когда на Вацлавской площади — советские танки. И мои ровесники гусеницами по таким вот как я, курносый и тонкоруким. А папы, бывшего на этой же площади в 1945, уже нет нигде, не скажет, что это было?

Голумбиевская Аня, тихая и толстая — вышла протестовать у памятника Пушкину, с какой-то Розой. И еще с какими-то тремя знаковыми (не такими, как все прочие в 1968 году). Я недавно из Праги вернулась, так там, на месте, где девочку с мальчиком наши по площади размазали — чехи памятник поставили, к которому наклониться нужно. Потому что он до колена. Чтобы каждый поклонился! Березовый крест с венком из колючей проволоки. — А я люблю эту ужасную страну, которой больше нет. СССР называлась. Но эта любовная песня для иного дыхания.

ВСЕ МОЖЕТ ПОЛУЧИТЬСЯ

Лысенкий. Нос крючком. Говорит — у меня уже не стоит. Но хочется. Собственно, даже не знаю, семь лет назад это было... а сейчас — просто не знаю. Ну и что, что восемьдесят два. Вот у тебя глаза русалочки, и мне своих не отвести. Заворожила. Умница. Полежи со мной. Разденься и полежи. Давай помогу, рыбонька.

Интересно, думаю. А если бы у него — глаза, как у Ихтиандра, и

стояло, как в двадцать три, а мне — восемьдесят два, и сиськи, как авоськи на гвоздике, — он бы — полежал со мной? Но вслух жалко произнести, — по руке погладила:

— Не хочется, — ответила.

— Да отчего же — не хочется? Мне вот ведь очень хочется!

Пили сухое красное, сыром заедали. Расстались дружески, стихов на год вперед начитавшись.

Потом долго мылась под душем, смывала старость. Какая же сволочь я — как за дверь, так мочалка с мылом и — ужас, ужас! А в гости опять пойду. Он спрашивает:

— Почему пришла? Будешь подружкой? Я таблетки какие-то поплюю, таблетки специальные есть. И все получится может. Но, — добавил, — жалко на это действие энергию тратить. Лучше стихи написать, или картину. Время мое кончается. Времени мало. А ты как думаешь?

А я ничего не думаю. Зачем же прихожу к нему? Это — любовь.

